

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ГАЗДАНОВА

© 2016

О.Е. Гайбарян, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория и история мировой литературы»
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону (Россия)

Г.И. Мясищев, специалист по учебно-методической работе
Ростовский государственный строительный университет, Ростов-на-Дону (Россия)

Ключевые слова: языковая личность; Г. Газданов; коммуникативные особенности языковой личности; языковая личность автора; языковая личность литературного персонажа; литература русского зарубежья.

Аннотация: Данная статья посвящена анализу коммуникативных особенностей прозы Г. Газданова с позиции репрезентации языковой личности автора. В статье на основании анализа текстов Г. Газданова изучаются различные уровни коммуникации, возникающие между автором и читателем, а также между персонажами, выступающими как преломление речевой деятельности представителей социума авторским сознанием. Проблемы изучения языковых феноменов русского зарубежья, как языка изолированного анклава, представляют несомненный интерес в современной лингвистике. Рассматривается дуалистическая природа главного героя произведений Г. Газданова, его языковое воплощение. Анализируется инструментарий автора, консолидирующий языковую картину мира и человека в произведениях Г. Газданова. Дается представление о методах авторского воздействия на читателя посредством использования различных психологических, лингвистических средств. Язык автора подвергается анализу как особая лингвистическая структура, генезис которой рассматривается в контексте единства психоэмоционального развития автора, героя и взаимодействующего с текстом читателя. Основной коммуникативной целью авторского текста видится изучение глубинной природы сознания человека, его побудительных мотивов, принципов взаимодействия личностей в социуме. Рассматриваются и собственно лингвистические особенности текстов Г. Газданова, его отличительные черты, выделяющие язык автора в ряду других лингвистических феноменов. Особое внимание авторы уделяют типологической характеристике уровневого коммуникативного взаимодействия автора, персонажей, читателей. Выделяются специфические черты каждого уровня, дается его типологическое описание. Авторский анализ подкрепляется примерами из текстов произведений Г. Газданова, иллюстрирующими ход рассуждений, а также привлечением широкой исследовательской базы. Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов, касающихся особенностей развития не только языка конкретного автора, но и языка русской литературы во второй трети XX века в целом.

История развития искусства свидетельствует о возрастающем стремлении рассматривать действительность как деятельностное проявление человека, как антропоцентрический объект. От осознания, объяснения и упорядочивания стихийных проявлений среды искусство перешло к целенаправленному продуцированию среды и транспозиции роли человека из объектной в субъектную область созидания. В настоящее время человек позиционируется как самодостаточное и самоценное явление, продуцирующее окружающий мир наравне с природой. Обретение человеком черт демиурга началось в глубокой древности, но окончательно сформировалось к концу XX века, когда в литературе утвердился принцип доминанты рукотворной вселенной в искусстве [1]. Мир человека – это приспособленный мир, где любые природные явления упорядочены в соответствии с антропософским планом и замыслом. Этот аспект как нельзя лучше проявляется в литературе, где сформировался принцип «нет литературы без человека».

Таким образом, изучение проявлений языковой личности человека в литературном творчестве позволяет не только изучить проявление конкретной авторской личности в тексте, но и исследовать лингвистическое отображение моделируемой автором вселенной. Представляется, что изучение творческого наследия Гайто Газданова позволит глубже понять некоторые тенденции современной литературы, поскольку именно в творчестве Г. Газданова, на наш взгляд, наиболее ярко проявились

ключевые аспекты, в полной мере проявляющиеся в современном литературном творчестве: принцип антропоцентризма; автобиографичность и мемуарность как ведущие художественные приемы; сознательное формирование текста с высокой эмотивностью; установка на полилог и общую полифонию прозы; ряд других факторов, менее значимых для анализа языковой личности.

Важно отметить, что анализ языковой личности Г. Газданова в произведениях предполагает одновременное изучение как языка автора, так и языка главного героя, от лица которого ведется повествование и который является основным действующим лицом произведения. Автобиографическая и дуалистическая позиция в произведениях позволяет наиболее явственно обозначить лингвистические факторы и интерпретировать их. К подобному подходу исследователи прибегали неоднократно, формируя представление о языковой личности как многоаспектной и многокомпонентной системе [2–4].

Исходным постулатом антропоцентрической парадигмы в лингвистических исследованиях является признание способности говорящего (индивидуума или социума) присваивать себе язык в процессе его применения, что говорит о сознательном модулировании лингвистических процессов говорящим во время коммуникации на всех уровнях. Для изучения этих процессов необходимо выявить коммуникативные уровни газдановских текстов.

Первый уровень коммуникативного взаимодействия «автор – читатель». Его особенность – мемуарная форма, при которой взаимодействие между читателем и автором переносится на уровень глубоко личного, частного взаимодействия [3]. Отличительной чертой газдановского повествования является тот факт, что автор строит коммуникативное взаимодействие как личностно ориентированное, индивидуализированное взаимодействие, предполагающее сопереживание виртуальной личности рассказчика, моделируемой как реально существующее лицо с реальной биографией. Важно отметить, что автор сознательно использует приемы опосредованного вовлечения читателя в коммуникативную связь на эмотивном уровне, используя элементы психологизма, рассчитанные на соотнесение фактов биографического и эмоционального опыта читателя и аналогичного опыта виртуального рассказчика, выступающего главным действующим лицом, как об этом говорят О.Е. Гайбарян и Ю.Д. Нечипоренко [4; 5].

«Это были длительные, почти бесконечные годы моей жизни, наполненные безмолвным роением бредовых видений, в которых скрещивались коридоры, ведущие неизвестно куда, вертикальные колодцы, похожие на узкие пропасти, экзотические деревья и далекое побережье южного моря, черные реки, текущие во сне, и непрерывная смена разных людей, то мужчин, то женщин, смысл появления которых неизменно ускользал от моего понимания, но которые были неотделимы от моего собственного существования. И почти каждый день я ощущал эту отвлеченную душевную усталость, которая была результатом многообразного и неотступного безумия, странным образом не задевавшего ни моего здоровья, ни моих способностей и не мешавшего мне сдавать в свое время очередные экзамены или отчетливо запоминать последовательность университетских лекций. Иногда вдруг этот бесшумный поток прекращался без того, чтобы какой бы то ни было признак указывал мне, что это вот-вот случится; и тогда я жил беспечно и бездумно, с наслаждением вбирая в себя зимний и влажный воздух парижской улицы и ощущая с животной силой восприятия вкус мяса, которое я ел в ресторане, разрывая жадными зубами его сочные кусочки» – живейшее, прочувствованное описание, где рефлексия позволяет читателю проникнуться ощущениями героя, соотнести его и свою личность [6, с. 9]. Можно говорить о том, что Газданов – один из первых писателей XX века, сознательно использовавший элемент опосредованного сотворчества писателя и читателя, при котором сознание читателя активно включается в творческий процесс, генерируя собственное развитие сюжета и вероятностных интерпретаций [7]. Во многом Газданов предвосхищает появление современных произведений, создаваемых в сети Интернет при непосредственном участии значительного числа читателей, выступающих как активное начало, как соавторы отдельных эпизодов, сюжетных линий, элементов художественной обработки повествования.

Вторым коммуникативным уровнем является уровень взаимодействия между героем-рассказчиком и иными персонажами произведения [8]. Здесь нужно выделить, по меньшей мере, три дополнительных уровня коммуникации. Дело в том, что виртуализация личности главного героя в произведениях больших форм

Газданова достигает значительных величин. Анализируя такие произведения, как «Вечер у Клэр», «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды», мы можем видеть внутренний полилог между главным героем в разные периоды времени. Мы видим, что повзрослевший главный герой вступает в опосредованную полемику с самим собой, находящимся в более молодом возрасте, или эта полемика возникает между виртуальными личностями главного героя до и после определенных значимых событий в его жизни. Нужно отметить, что автор оформляет эту коммуникацию именно как двусторонний процесс, показывающий развитие личности главного героя, изменение его духовного и эмоционального статуса [9].

Второй подуровень – коммуникация между главным действующим лицом и его двойниками и антагонистами. Важно отметить, что Газданов прибегает к такому элементу психологизма, уже использовавшемуся Ф.М. Достоевским, Н.С. Лесковым и др., как создание альтер эго персонажа, наделенного перфекционистскими или негативистскими чертами. Тем не менее, в отличие от внутренней коммуникации с собственной личностью, здесь формально выражена коммуникация между разными личностями, совпадающими лишь в плане духовного содержания, но не в личностной дубликации, как об этом говорит Ф. Геблер [10].

Третий коммуникативный подуровень – коммуникация с второстепенными персонажами. Здесь автор следует принципам реализма и психологизма, рисуя языковые личности типичных представителей социума, с которыми взаимодействует главный герой, обладающих собственной языковой культурой [4; 11; 12].

Главной особенностью газдановского творчества, с точки зрения лингвистики, является его полифония [10]. Каждый персонаж произведений этого автора обладает уникальной речевой культурой, отличающейся от проявлений речемыслительной деятельности других героев. Языковая личность Гайто Ивановича предстает здесь как совокупность языковых личностей полилингвистического социума, составляющих многоструктурную лингвистическую картину мира. Это подтверждает мнение академика В.В. Виноградова, профессора В.Г. Винокура и других ученых о том, что языковая личность человека сочетает в себе черты всего лингво-социума, которые сохраняются в пассиве речемыслительной базы индивида и проявляются по мере необходимости в конкретных коммуникативных ситуациях [13–15]. Таким образом, способность индивида к восприятию и воспроизведению специфических лингвистических явлений напрямую зависит от его лингвокоммуникативного опыта [16]. Способность писателя воспроизводить различные типы лингвистических личностей оказывается не только проявлением его индивидуального таланта, но и результатом изучения лингвистической картины мира и сознательного моделирования различных лингвокоммуникативных ситуаций и лингвосубъектов в целом.

На уровне коммуникации с читателем Газданов сознательно интерполирует языковую картину окружающего мира, действительности, специфицированную временными, географическими и социальными маркерами (лингвосоциум русской эмиграции первой трети XX века), формируя искусственную коммуникационную

среду, подчиненную авторскому замыслу и конкретному плану [12; 16]. Следует отметить, что в современной прозе наблюдается антагонистический процесс: авторы тяготеют к моделированию среды естественной коммуникации, формируемой в значительной степени случайно, в процессе творческого взаимодействия с читателем и текстом, опосредованном (через отклики и написание переработанных «версий») или непосредственным (при контакте с читательской аудиторией в сети Интернет).

На коммуникативном уровне герой-рассказчик Газданов моделирует языковую личность, обладающую специфическими языковыми чертами, изменяющимися в процессе коммуникации. По Газданову, прогресс развития речемыслительной деятельности сугубо функционален и зависит от жизненного, лингвистического и философского опыта человека. Так, герой-рассказчик романа «Вечер у Клэр» предстает перед нами в виде дуалистической личности, находящейся в процессе взросления и постижения сути бытия. Читатель может наблюдать значительную возрастную спецификацию, при которой рассказчик-юноша обладает более эмоциональной, более отрывистой речью с преобладанием оценочно-выразительной лексики, тогда как повзрослевший герой использует в большей степени нейтральную и рассудочную лексику, строит более сложные синтаксические конструкции.

Например, зрелый герой-рассказчик: «Я думал о Клэр, о вечерах, которые я проводил у нее, и постепенно стал вспоминать все, что им предшествовало; и невозможность понять и выразить все это была мне тягостна. В тот вечер мне казалось более очевидно, чем всегда, что никакими усилиями я не могу вдруг охватить и почувствовать ту бесконечную последовательность мыслей, впечатлений и ощущений, совокупность которых возникает в моей памяти как ряд теней, отраженных в смутном и жидком зеркале позднего воображения». А здесь мы видим юношу: «– Уж не к добровольцам ли ты собрался? – спросил он. И когда я ответил, что к добровольцам, он посмотрел на меня с еще большим изумлением.

– Что ты делаешь, ты с ума сошел? Оставайся здесь, добровольцы отступают, через две недели наши будут в городе.

– Нет, я уж решил ехать.

– Какой ты чудака. Ведь потом ты сам будешь жалеть об этом.

– Нет, я все-таки поеду.

Он крепко пожал мне руку.

– Ну, желаю тебе не разочароваться.

– Спасибо, я думаю, не придется.

– Ты веришь в то, что добровольцы победят?

– Нет, совсем не верю, потому и разочаровываться не буду» [17, с. 31].

Такие диалоги характерны для всего периода юности главного героя. Короткие, сдержанные реплики, сухое изложение текста. Позднее, повзрослевший «Я» (Николенька) будет излагать совершенно иначе.

Газданов сталкивает между собою проявления речемыслительной деятельности обоих психотипов и демонстрирует процесс развития личности персонажа, изменение его восприятия, оценки одних и тех же событий не только на содержательном, но и на лингвистическом уровне.

Аналогичная картина наблюдается во взаимодействии главного героя и его альтер эго. Лингвистическая личность альтер эго во многом отлична от личности героя-рассказчика, но при этом сохраняется параллелизм в столкновении речемыслительной деятельности главного действующего лица и его оппонента. Например, в начале романа «Возвращение Будды» Г. Газданов наращивает, усиливает впечатление нарочитым повтором личного местоимения в сочетании с глаголом «умер»: «Я умер, – я долго искал слов, которыми я мог бы описать это, и, убедившись, что ни одно из понятий, которые я знал и которыми привык оперировать, не определяло этого, и то, которое казалось мне наименее неточным, было связано именно с областью смерти, – я умер в июне месяце, ночью, в одно из первых лет моего пребывания за границей. Это было, однако, не более непостижимо, чем то, что я был единственным человеком, знавшим об этой смерти, и единственным ее свидетелем» [6, с. 3]. Формирование образа мертвого человека создает общий фон романа, настраивает читателя на необходимый лад. Более того, в романе «Призрак Александра Вольфа» можно наблюдать, как по мере развития действия и изменения личности главного героя изменяется лингвистическая личность его антагониста: словарь Вольфа беднеет, стилистическое оформление речи упрощается, проявляется тяготение к шаблону, повторению тех же слов и конструкций. Таким способом автор на лингвистическом уровне решает проблему «смерти», ухода «призрака» из жизни главного героя [18; 19].

Гайто Газданов рисует точную картину эмигрантской жизни 20-х–30-х годов, формируя пеструю лингвистическую картину мира. Учтявая, что социальный и национальный состав персонажей достаточно разнообразен, а их речь дается то в авторской интерпретации, то как прямое цитирование – в зависимости от коммуникативной ситуации и авторского замысла, читатель воспринимает художественное пространство не как опосредованный, а как внедренный, участвующий субъект. Автор дает возможность читателю воочию воспринять картину эмигрантской жизни. Автор рассчитывает как на рассудочное, так и на эмоциональное, внесознательное восприятие: «*как давно и безнадежно я живу за границей*» (Г. Газданов «Гавайские гитары») [20, с. 42].

Исследователи газдановского творчества отмечают, что идиолект Газданова во многом архаичен и соответствует идиолекту языка русской литературы конца XIX – начала XX века, стильно контрастируя с языком литературы СССР того же периода, в котором создаются произведения Г. Газданова, как об этом говорит, например, Ю.В. Бабичева [21]. Нам представляется, что этот процесс естественен, и о тенденциях к архаизации языка говорить не приходится. Анализ языковой личности автора говорит о том, что процессы развития языка ничуть не приостановились и продолжились осуществляться, но шли на ином формально-содержательном уровне, нежели аналогичные процессы в большей части России. Феномен тяготения языка социо-географических анклавов к изоляционизму изучен достаточно хорошо. Такие языки показывают меньшую степень модуляции во внешнем проявлении, но значительно развиваются на содержательном уровне. Их архаичность

и консерватизм обуславливаются в первую очередь малым количеством носителей и спецификацией среды, в которой носители языка вынуждены сохранять свою культурно-лингвистическую идентичность. Изучение русинского языка, идиолектов казаков-некрасовцев, периферийных языков тюркоязычного населения Китая и т. д. демонстрирует аналогичные процессы, которые были характерны для языка эмигрантской литературы. Таким образом, при некотором формальном консерватизме язык газдановской прозы сохраняет свою живую и непосредственную природу и демонстрирует вариант того литературного языка, который мог бы развиваться на основной территории России в иных социо-исторических условиях [22]. Важно отметить, что язык газдановской прозы и эмигрантской литературы в целом развивается естественным путем, тогда как русский литературный язык основной части России испытал значительные направленные изменения, связанные с модификацией представлений о сущности и задачах языка и литературы. Не секрет, что формирование лингвистической личности во многом зависит от текстовой среды, окружающей личность человека. В 30-е–60-е годы XX века эта среда формировалась исключительно на основе специально созданных текстов, отличающихся от текстов, выполненных в стиле литературы начала века, следующими факторами:

– новая литературная норма, как содержательная, так и стилистическая;

использование элементов, относившихся к разговорному стилю языка социально-идеологическим идиолектам, – в качестве нейтральных и литературных;

– значительное влияние технического прогресса, обусловившее как изменения словарного запаса, так и тяготение к специфическому построению текстов, отличавшихся большей логизацией и лаконизмом;

– использование нехарактерных для прежней литературной традиции элементов сниженного и эпатажного характера.

Все эти аспекты обусловили видимую разницу между языком эмигрантской литературы и языком литературы СССР, но никоим образом не отменили естественности развития языка литературы русского зарубежья.

Таким образом, языковая личность Гайто Газданова отличается полифонией, способностью к моделированию различных лингвосубъектов, сознательному взаимодействию с языковыми личностями в коммуникативном пространстве, способностью формировать это пространство и достигать коммуникативной цели различным путем. Язык Гайто Газданова отличает естественность, разнообразие и осознанность использования полного лингвоинструментария в процессе коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М.: Наука, 1988. С. 131–138.
2. Котгорова М.П. Языковая личность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд. М.: Флинта, 2006. С. 660–661.

3. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–15.
4. Гайбарян О.Е. Парадокс в художественной системе Г. Газданова // Альманах современной науки и образования. 2007. № 3-2. С. 42–45.
5. Нечипоренко Ю.Д. Сакральное и профанное в жизни и творчестве Г. Газданова // Дарьял. 2003. № 3. С. 124–140.
6. Газданов Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. М.: Согласие, 1996. 800 с.
7. Каменева К.Д. «Свое» и «чужое» в культуре русской эмиграции «поколения полутора»: на примере творчества Г. Газданова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 178 с.
8. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
9. Гёблер Ф. Время и воспоминание в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» // Литература. 2001. № 45. С. 3–9.
10. Нечипоренко Ю.Д. Мистерия Газданова // Вестник института цивилизации. 1999. Вып. 2. С. 35–40.
11. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
12. Бушлакова Т.П. Литература русского зарубежья. М.: Высш. шк., 2005. 365 с.
13. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М.: Терра, 1998. 543 с.
14. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
15. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. 2-е изд. М.: URSS, 2005. 172 с.
16. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
17. Газданов Г. Собрание сочинений. В 3 т. Т. 1. М.: Согласие, 1996. 720 с.
18. Гаретто Э. Мемуары и тема памяти в литературе русского зарубежья. URL: ruthenia.ru/reprint/blok_xiii/garetto.pdf.
19. Джемс У. Научные основы психологии. Минск: Харвест, 2003. 527 с.
20. Газданов Г. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2009. 733 с.
21. Бабичева Ю.В. Автобиографическая трилогия Гайто Газданова, или история загадочной болезни // Дарьял. 2003. № 3. С. 45–47.
22. Долженков В.Н. Роль пресуппозиции при словесном обозначении оценки речевого поведения в диалоге // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2-2. С. 81–84.

REFERENCES

1. Morkovkin V.V. Anthropocentric versus linguo-centric approach to lexicography. *Natsionalnaya spetsifika yazyka i ee otrazhenie v normativnom slovare*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 131–138.
2. Kotyurova M.P. Linguistic persona. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka*. 2nd ed. Moscow, Flinta Publ., 2006, pp. 660–661.

3. Karaulov Yu.N. Russian linguistic persona and challenges of its study. *Yazyk i lichnost*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3–15.
4. Gaybaryan O.E. Paradox in artistic system of G. Gazdanov. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2007, no. 3-2, pp. 42–45.
5. Nechiporenko Yu.D. Sacral and secular in life and work of G. Gazdanov. *Daryal*, 2003, no. 3, pp. 124–140.
6. Gazdanov G. *Sobranie sochineniy, v 3 t.* [Collected works, in 3 vol.]. Moscow, Soglasie Publ., 1996. Vol. 2, 800 p.
7. Kameneva K.D. “Svoe” i “chuzhoe” v culture russkoy emigratsii “pokoleniya polutora”: na primere tvorchestva G. Gazdanova. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [“Self” and “non self” in culture of Russian emigration of “one and a half generation”: on the example of works of G. Gazdanov]. Moscow, 2001. 178 p.
8. Karasik V.I. *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moscow, Gnozis Publ., 2009. 406 p.
9. Gebler F. Time and remembrance in the novel “Evening at Clair” of Gaito Gazdanov. *Literatura*, 2001, no. 45, pp. 3–9.
10. Nechiporenko Yu.D. Gazdanov’s mystery. *Vestnik instituta tsivilizatsii*, 1999, no. 2, pp. 35–40.
11. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p.
12. Buslakova T.P. *Literatura russkogo zarubezhya* [Russian Émigré Literature]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 365 p.
13. Agenosov V.V. *Literatura russkogo zarubezhya (1918–1996)* [Russian Émigré Literature (1918–1996)]. Moscow, Terra Publ., 1998. 543 p.
14. Vinogradova V.V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959. 654 p.
15. Vinokur T.G. *Govoryashchiy i slushayushchiy: varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and listener: variants of verbal behavior]. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2005. 172 p.
16. Vorkachev S.G. Cultural linguistics, linguistic persona, concept: formation of anthropocentric paradigm in linguistics. *Filologicheskie nauki*, 2001, no. 1, pp. 64–72.
17. Gazdanov G. *Sobranie sochineniy, v 3 t.* [Collected works, in 3 vol.]. Moscow, Soglasie Publ., 1996. Vol. 1, 720 p.
18. Garetto E. *Memuary i tema pamyati v literature russkogo zarubezhya* [Memoires and memory theme in literature of Russian émigré community]. URL: ruthenia.ru/reprint/blok_xiii/garetto.pdf.
19. James W. *Nauchye osnovy psikhologii* [Scientific basis of psychology]. Minsk, Kharvest Publ., 2003. 527 p.
20. Gazdanov G. *Sobranie sochineniy, v 5 t.* [Collected works, in 5 vol.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2009. Vol. 1, 733 p.
21. Babicheva Yu.V. Autobiographic trilogy of Gaito Gazdanov, or History of mystery disease. *Daryal*, 2003, no. 3, pp. 45–47.
22. Dolzhenkov V.N. Role of presupposition under verbal evaluation of verbal behavior in a dialogue. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 2-2, pp. 81–84.

TO THE ISSUE OF COMMUNICATIVE FEATURES OF LINGUISTIC PERSONA IN THE WORKS OF G. GAZDANOV

© 2016

O.E. Gaibaryan, PhD (Philology), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Theory and history of world literature”
Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia)
G.I. Myasishchev, teaching and learning specialist
Rostov State University of Civil Engineering, Rostov-on-Don (Russia)

Keywords: linguistic persona; G. Gazdanov; communicative features of linguistic persona; author’s linguistic persona; literary character linguistic persona; literature of Russian émigré community.

Abstract: The paper covers the analysis of the communicative features of G. Gazdanov’s prose from the perspective of representation of the author’s linguistic persona. Based on the analysis of G. Gazdanov’s texts, the paper studies different levels of communication that occur between the author and the reader, as well as between the characters acting as the interpretation of oral activity of the society representatives by the author’s consciousness. The problems of studying the linguistic phenomena of the Russian émigré community as the isolated enclave’s language are of absolute interest in modern linguistics. The authors consider the dualistic nature of the central character of G. Gazdanov’s works and his linguistic realization and analyze the author’s tools consolidating the linguistic picture of the world and the man in the works of G. Gazdanov. The paper presents the methods of the author’s impact on the reader through the application of various psychological and linguistic means. The author’s language is analyzed as the specific linguistic structure, the genesis of which is considered in the context of the unity of mental and emotional development of the author, the character and the reader interacting with the text. The study of deep nature of the human consciousness, his motives and the principles of the individuals’ interaction within the society are considered the main communicative purpose of the author’s text. The authors consider the linguistic features of G. Gazdanov’s texts, their distinctive features distinguishing the author’s language between the number of other linguistic phenomena. The authors pay special attention to the typological characteristic of the level communicative interaction of the author, the characters, and the readers, highlight the specific features of each level and give its typological description. The authors’ analysis is supported by the examples from the texts of G. Gazdanov’s works illustrating the line of reasoning, as well as by the involvement of wide research base. The analysis allows making some conclusions concerning the special aspects of development not only of the language of a particular author but the language of Russian literature in the second third of the twentieth century in the whole.